

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-21-28

БАРАНОВ Даниил Александрович,
Старший преподаватель кафедры публичного права,
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: Dann89818061715@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛЬНОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется вопрос о том, каким образом государственная политика Российской Федерации в сфере цифровой трансформации высшего образования может быть выстроена в виде единой правовой модели, сочетающей технологическую нейтральность, доступность образовательного процесса, безопасность цифровой среды и предсказуемость регулирования. Показано, что действующее законодательство допускает применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, однако сохраняет значительный объем усмотрения для образовательных организаций, вследствие чего фактическая доступность обучения и уровень цифровой защищенности оказываются неодинаковыми.

На основе анализа Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», подзаконных актов и стратегических документов сделан вывод о том, что технологическая нейтральность должна пониматься не как отказ от нормативного задания минимальных стандартов, а как свобода выбора инструмента при обязательности результата. Особое внимание уделено правовым гарантиям доступа лиц с ограниченными возможностями здоровья, режиму обработки персональных данных, защите образовательных платформ от киберугроз и необходимости согласования федерального, ведомственного и локального регулирования. Сформулированы предложения по уточнению статьи 16 и статьи 79 Федерального закона № 273-ФЗ, по развитию подзаконных требований к цифровой доступности и по закреплению минимальных стандартов безопасности и устойчивости инфраструктуры высшего образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, высшее образование, технологическая нейтральность, доступность образования, цифровая безопасность, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии.

BARANOV Daniil Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Department of Public Law,
Saint Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION: TECHNOLOGICAL NEUTRALITY, ACCESSIBILITY, AND SECURITY OF LEGAL REGULATION

Annotation. The article examines how the state policy of the Russian Federation in the sphere of higher education digital transformation can be shaped as a unified legal model combining technological neutrality, accessibility of the educational process, security of the digital environment, and regulatory predictability. It is shown that the current legal framework permits the use of e-learning and distance learning technologies, yet leaves a broad margin of discretion to educational organizations, which results in unequal practical access to education and uneven levels of digital protection. Based

on the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law on Education, subordinate regulations, and strategic policy documents, the article argues that technological neutrality should be understood not as a refusal to set minimum legal standards, but as freedom to choose the tool while making the result mandatory.

Particular attention is paid to the rights of persons with disabilities, the legal regime of personal data processing, protection of educational platforms from cyber threats, and the need to align federal, sectoral, and local regulation. The article proposes amendments to Article 16 and Article 79 of Federal Law No. 273-FZ, the development of subordinate requirements for digital accessibility, and the establishment of minimum standards for the security and resilience of higher education infrastructure.

Key words: *digital transformation, higher education, technological neutrality, educational accessibility, digital security, e-learning, distance learning technologies.*

Введение

Дальнейшее совершенствование государственной политики Российской Федерации в сфере цифровой трансформации высшего образования следует рассматривать не как сумму разрозненных правок, а как последовательное формирование единой правовой модели, способной одновременно обеспечить доступ к образованию, защиту прав обучающихся и устойчивость цифровой инфраструктуры. Такое понимание вытекает прежде всего из статьи 43 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), закрепляющей право каждого на образование и гарантии общедоступности и бесплатности образования в предусмотренных законом пределах [1]. Вместе с тем конституционная формула не раскрывает способы ее исполнения в цифровой среде, а значит, переносит центр анализа на уровень отраслевого законодательства и подзаконного регулирования [2].

Системная проблема состоит в том, что цифровизация высшего образования долгое время развивалась преимущественно как управленческий и технологический проект, тогда как правовые механизмы нередко следовали за уже сложившейся практикой. В результате в правовом поле сосуществуют общие нормы об электронном обучении, специальные требования к отдельным категориям образовательных программ, правила информационной открытости и фрагментарные нормы о защите данных, но отсутствует единый стандарт, который бы связывал технологическое оснащение вуза, права студента, обязанности преподавателя и гарантии государственной поддержки в одну логическую конструкцию [2; 4; 5]. Именно поэтому вопрос о технологической нейтральности приобретает не сугубо терминологическое, а содержательно-правовое значение.

Принцип технологической нейтральности в сфере образования уже получил отражение в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 (далее – Указ

Президента РФ № 203), где среди основных принципов названы обеспечение прав граждан на доступ к информации и свобода выбора средств получения знаний [3]. Однако применительно к высшему образованию этот принцип не может толковаться в отрыве от обязательства государства устранять цифровое неравенство, поскольку свобода выбора технологического инструмента без гарантии фактического доступа превращается в формальную декларацию [3; 9].

Нормативные основы цифровой трансформации высшего образования

Базовой отраслевой нормой выступает Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ). В статье 2 названного закона зафиксированы понятия образования, обучения, инклюзивного образования, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, а также средств обучения и воспитания [2]. Указанные определения имеют принципиальное значение, поскольку задают пределы допустимого усмотрения образовательной организации: цифровые инструменты допустимы постольку, поскольку служат процессу освоения образовательной программы, а не подменяют его технической имитацией.

Наиболее значимой для рассматриваемой темы является статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ. В ней электронное обучение определяется как организация образовательной деятельности с применением информации, информационных технологий, технических средств и сетей связи, а дистанционные образовательные технологии – как технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном взаимодействии участников образовательного процесса [2]. Вместе с тем закон формулирует право образовательной организации применять такие технологии в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а не обязанность обеспечивать единый федеральный стандарт цифровой

доступности. Это означает, что на уровне закона заложена модель разрешения, но не полноценной нормативной унификации, и именно здесь возникает риск неравенства условий обучения между организациями различной ресурсной обеспеченности.

Автономия образовательной организации, закрепленная статьей 28 Федерального закона № 273-ФЗ, и право принимать локальные нормативные акты по вопросам организации образовательной деятельности в статье 30 того же закона дополняют эту конструкцию [2]. Однако автономия в цифровой среде имеет двойственный эффект: с одной стороны, она позволяет адаптировать платформы, расписание и формы контроля к специфике программы, с другой – создает условия для различий в доступности и качестве цифрового сопровождения, если федеральный уровень не задает минимального содержания обязательных требований [2]. Следовательно, законодательная модель должна не ограничивать организационную свободу, а определять ее рамки через минимальные обязательные параметры доступности, безопасности и совместимости цифровых решений.

Подзаконное и стратегическое регулирование

Подзаконное регулирование в рассматриваемой сфере существенно усилилось после принятия Постановления Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (далее – Постановление Правительства РФ № 1678) [6]. Правила распространили действие на учебные занятия, практики, промежуточную аттестацию, текущий контроль и итоговую аттестацию, а также ввели понятия цифрового образовательного контента, цифровых образовательных сервисов, онлайн-курса и цифрового индивидуального портфолио обучающегося. Таким образом, подзаконный акт вышел за пределы простой фиксации дистанционного канала и описал уже целую инфраструктуру цифрового образования.

При этом в пункте 7 Правил закреплено требование обеспечивать доступ к электронной информационно-образовательной среде независимо от места нахождения обучающихся, а пункт 8 предоставляет образовательной организации право определять основные средства обучения, виды контента и ограничения по использованию сервисов [6]. Данная комбинация демонстрирует классическую форму технологической нейтральности: государство не навязывает единую плат-

форму, но и не исключает локальный выбор технического решения. Однако отсутствие в Правилах исчерпывающего перечня минимальных параметров устойчивости, резервирования, адаптации интерфейса и независимой проверки доступности делает правовой режим неполным.

На уровне стратегического планирования существенное значение имеет Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р» (далее – Распоряжение Правительства РФ № 1805-р) [8]. В документах, сопровождающих его опубликование, прямо указано, что основными проектами определены домен «Образование», технологии работы с большими данными, искусственный интеллект и технологии информационной безопасности [8]. Иначе говоря, государство перешло от общей поддержки цифровизации к отраслевой модели трансформации, однако эта модель будет результативной только при условии, что технологическое обновление будет сопровождаться юридически обязательными стандартами доступности и защиты прав участников образовательных отношений.

Доступность высшего образования и проблема цифрового неравенства

Вопрос доступности высшего образования в цифровой среде не сводится к вопросу наличия компьютерной техники или подключения к сети. По данным Е. А. Митрофановой и А. Е. Митрофановой, 97,7% российских вузов имели доступ к сети Интернет со скоростью 2 Мбит/с и выше [9]. На первый взгляд такая цифра подтверждает высокую степень готовности системы к цифровому формату. Однако сама по себе инфраструктурная обеспеченность не гарантирует равный доступ к образовательному контенту, поскольку качество онлайн-обучения зависит от стабильности платформы, методической адаптации материалов, компетентности преподавателя и готовности студента использовать цифровые инструменты.

Именно поэтому исследования постпандемийного периода показывают более сложную картину. Н. С. Громова и Е. О. Пащук указывали, что только 60% российских университетов смогли адаптироваться к дистанционному режиму весной 2020 года, при этом значительная часть преподавателей воспринимала переход на дистанционный формат как вынужденную и недостаточно подготовленную меру [10]. В том же исследовании отмечено сокращение числа вакансий для юри-

стов на 20% по сравнению с апрелем 2022 года и рост конкуренции до 8 соискателей на одну вакансию. Эти показатели важны не только как социально-экономический фон, но и как свидетельство того, что цифровизация образования должна ориентироваться на реальную профессиональную применимость, а не на механическое расширение технологических опций.

Сходные выводы содержатся в работах И. В. Ершовой и Е. Е. Еньковой, которые подчеркивают необходимость рассматривать право на образование в цифровой среде университета через призму доступности, правовой определенности и баланса интересов участников образовательного процесса [12]. В логике такого подхода цифровое неравенство следует понимать не как абстрактную социальную категорию, а как юридически значимый фактор, влияющий на равенство условий обучения. Следовательно, государственная политика должна включать не только развитие платформ, но и меры по снижению барьеров доступа: субсидирование подключения, поддержку технической инфраструктуры региональных вузов, организацию альтернативных форм участия и обязательную методическую помощь [12; 17].

Гарантии для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья

Особое место в анализе занимает статья 79 Федерального закона № 273-ФЗ, устанавливающая, что для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья создаются специальные условия получения образования, в том числе применяются адаптированные образовательные программы, специальные методы обучения и технические средства [2]. В цифровой среде эта норма приобретает дополнительное содержание, поскольку речь идет уже не только о классической архитектурной доступности или специальных учебниках, но и о совместимости цифрового интерфейса с программами экранного доступа, наличии субтитров, альтернативных форматов материалов и резервных способов выполнения заданий.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1011 (далее – Приказ Минобрнауки России № 1011), в пункте 1.5 прямо указывает, что при реализации программы организация вправе применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, а для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья такие технологии должны обеспечивать возможность приема и

передачи информации в доступных для них формах [7]. Тем не менее стандарт не конкретизирует, какие именно параметры следует считать доступными, что оставляет значительный объем усмотрения для вуза.

Отсюда следует, что в действующем регулировании присутствует нормативная лакуна между общим требованием обеспечить доступность и конкретным механизмом его исполнения. При этом именно цифровая среда позволяет установить объективируемые и проверяемые критерии: наличие текстовых альтернатив, соблюдение требований к контрастности, навигация без мыши, возможность асинхронной сдачи заданий, доступность консультаций и экзаменационных процедур. Следовательно, законодательное уточнение цифровой доступности не означает чрезмерного вмешательства в автономию вуза, напротив, оно делает автономию юридически корректной и недискриминационной.

Безопасность цифровой среды и защита персональных данных

Цифровая трансформация высшего образования объективно связана с ростом объема данных, которые обрабатываются университетами: персональные данные студентов и преподавателей, результаты текущего контроля, материалы научной деятельности, электронные журналы, переписка в образовательных платформах, записи вебинаров и иные сведения. В связи с этим применимы Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон № 149-ФЗ) и Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ) [4; 5]. В статье 16 Федерального закона № 149-ФЗ защита информации определяется как принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на предотвращение несанкционированного доступа, уничтожения, модификации, блокирования, копирования, предоставления и распространения информации [4].

Статья 19 Федерального закона № 152-ФЗ возлагает на оператора обязанность принимать необходимые правовые, организационные и технические меры для обеспечения безопасности персональных данных [5]. Для вуза это означает необходимость не только формального наличия политики обработки данных, но и реального соблюдения процедур разграничения доступа, шифрования, резервного копирования, управления учетными записями, хранения логов и реагирования на инциденты. Однако правоприменительная практика показывает, что образовательные организации нередко ограничиваются локаль-

ными актами общего характера, не связывая режим данных с конкретной архитектурой платформы и не проверяя устойчивость сервисов к внешним атакам.

Актуальность этой проблемы подтверждается статистическими данными. Н. И. Аксенова, О. В. Усачева и М. К. Черняков приводят сведения о том, что в 2022 году число DDoS-атак на университеты увеличилось в 8 раз по сравнению с 2021 годом, причем около 70% атак были направлены именно на вузы [15]. В таких условиях безопасность цифровой среды перестает быть вспомогательным условием и становится одной из характеристик качества образовательной услуги. Если платформа нестабильна, а доступ к ней нарушается внешним воздействием, право на образование оказывается ограниченным не только фактически, но и юридически, поскольку нарушается непрерывность реализации образовательной программы.

Искусственный интеллект, академическая добросовестность и предсказуемость регулирования

Следующим направлением правового анализа является использование искусственного интеллекта и иных интеллектуальных сервисов в образовательном процессе. В научной литературе отмечается, что юридическое образование и искусственный интеллект следует рассматривать не как конкурирующие, а как взаимосвязанные явления, поскольку цифровые инструменты могут поддерживать обучение, анализ источников, моделирование правовых ситуаций и индивидуализацию учебных траекторий [16]. Вместе с тем автоматизация не снимает вопроса о границах допустимого применения таких технологий. Для высшего образования, особенно для юридического, принципиально важно сохранить проверяемость авторства, достоверность промежуточной аттестации и возможность установить, кем именно сформирован учебный результат [16].

В Распоряжении Правительства РФ № 1805-р прямо указано на необходимость внедрения технологий искусственного интеллекта и технологий информационной безопасности в сферу науки и высшего образования [8]. Следовательно, государство признает не только полезность цифровых инструментов, но и их системный характер. Однако без четкого правового разграничения между вспомогательными цифровыми сервисами и инструментами, влияющими на оценку знаний и принятие управленческих решений, предсказуемость регулирования снижается. Это особенно заметно в ситуациях, когда университет внедряет автоматические проверочные системы, рекомендательные алгоритмы или генеративные модели

без прозрачных процедур контроля качества и без уведомления обучающихся о параметрах обработки их данных.

Для обеспечения правовой определенности необходимо исходить из того, что применение искусственного интеллекта в высшем образовании допустимо только при сохранении человеческого контроля над итоговыми академическими и административными решениями, при прозрачном описании алгоритмической функции и при недопустимости подмены педагогической оценки машинным выводом. Такой подход согласуется и с исследованием Т. Н. Юдиной и Н. Н. Сёмочкиной, которые в постпандемийном анализе цифровизации высшего образования подчеркивают сохранение цифрового неравенства и неоднородность практик внедрения технологий [17]. Иначе говоря, цифровая зрелость системы не равна ее алгоритмической автономности, напротив, она требует ясных правовых границ и контролируемых процедур.

Предложения по совершенствованию государственной политики

С учетом изложенного представляется необходимым перейти от общего разрешения на использование цифровых технологий к нормативно закреплённой модели минимальных гарантий. Прежде всего статью 16 Федерального закона № 273-ФЗ целесообразно дополнить положением о том, что применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий допускается при условии обеспечения равного доступа обучающихся к образовательным ресурсам, устойчивости информационной среды, резервных способов связи и совместимости с техническими средствами, необходимыми для лиц с ограниченными возможностями здоровья [2]. Такая поправка не нарушит технологическую нейтральность, поскольку не будет навязывать единую платформу, но установит обязательный результат правового регулирования.

Далее, статью 79 Федерального закона № 273-ФЗ следует конкретизировать в части цифровой доступности, закрепив обязанность образовательной организации обеспечивать не только специальные учебные материалы, но и форматы, пригодные для программ экранного доступа, субтитры, альтернативные способы сдачи заданий, удаленное сопровождение и техническую помощь [2]. Одновременно Постановление Правительства РФ № 1678 должно быть дополнено минимальными требованиями к устойчивости цифровой платформы, защите данных, резервному копированию, журналированию доступа и независимой проверке доступности интерфейсов [6].

На уровне подзаконного нормотворчества необходимо также разработать ведомственный стандарт цифровой доступности для высшего образования, согласованный с Приказом Минобрнауки России № 1011, чтобы образовательные организации не определяли содержание специальных условий произвольно и по-разному [7]. Помимо этого, в локальных актах вузов следует предусмотреть отдельный раздел о цифровой безопасности и доступности, который бы опирался на требования Федерального закона № 149-ФЗ и Федерального закона № 152-ФЗ, а также на положения о предотвращении нарушений академической добросовестности при применении искусственного интеллекта [4; 5].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что дальнейшее совершенствование государственной политики Российской Федерации в сфере цифровой трансформации высшего образования должно строиться на сочетании трех правовых начал: технологической нейтральности, нормативной обязательности минимальных стандартов и контролируемой автономии образовательных организаций. Сегодня законодательство уже содержит важные предпосылки для такой модели: право на образование закреплено Конституцией РФ, электронное обучение и дистанционные технологии допускаются Федеральным законом № 273-ФЗ, подзаконный акт 2023 года конкретизировал порядок их применения, а стратегическое направление 2025 года обозначило приоритеты по большим данным, искусственному интеллекту и информационной безопасности.

Однако действующая конструкция остается фрагментарной: общие нормы не всегда сопровождаются конкретными стандартами цифровой доступности, безопасность информации не всегда обеспечена едиными требованиями к платформам, а локальная автономия вузов нередко ведет к неодинаковым практикам реализации одних и тех же образовательных прав. Статистические данные о том, что 97,7% вузов имеют доступ к Интернету, но лишь 60% смогли адаптироваться к дистанционному режиму, а число DDoS-атак на университеты в 2022 году выросло в 8 раз, показывают, что инфраструктурная готовность, педагогическая готовность и киберустойчивость не совпадают автоматически.

Следовательно, в ближайшей перспективе приоритетом правового регулирования должно стать не расширение цифровизации как таковой, а ее юридическая нормализация: установление минимальных стандартов доступности, формирование единых требований к защите данных и устойчивости платформ, закрепление правил при-

менения искусственного интеллекта и усиление контроля за локальным нормотворчеством вузов. При таком подходе цифровая трансформация высшего образования будет служить не только модернизации управления, но и реальному обеспечению права на образование в изменившейся технологической среде.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм. и доп. // Российская газета. — 25.12.1993.
- [2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53. — Ст. 7598.
- [3] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 10.05.2017. — № 0001201705100002.
- [4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. — 29.07.2006. — № 165; Парламентская газета. — 03.08.2006. — № 126—127; Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.07.2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448.
- [5] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. — 29.07.2006. — № 165; Парламентская газета. — 03.08.2006. — № 126—127; Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.07.2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451.
- [6] Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Официальное опубликование правовых актов. — 12.10.2023. — № 0001202310120031; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 42. — Ст. 7514.
- [7] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 07.09.2020. — № 0001202009070039; зарегистрирован 07.09.2020 № 59673.
- [8] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-р «Об

утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р» // Официальное опубликование правовых актов. — 07.07.2025. — № 0001202507070072; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 27. — Ст. 3774.

[9] Митрофанова Е. А., Анализ готовности вузов к внедрению цифровых образовательных технологий и продуктов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. № 1. С. 48-53. DOI: 10.12737/2305-7807-2020-48-53.

[10] Громова Н. С., Пашук Е. О. Цифровизация юридического образования: социально-правовые проблемы и перспективы // Бюллетень инновационных технологий. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 74-78.

[11] Краснова Г. А., Полушкина А. О. Цифровизация права на образование // Менеджмент образовательных организаций. 2021. № 3(57). С. 90-99. DOI: 10.25688/2072-9014.2021.57.3.11.

[12] Ершова И. В., Енькова Е. В. К вопросу о реализации права на образование в цифровой среде университета // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4(80). С. 105-114. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.80.4.105-114.

[13] Баранова М. В. Юридическая наука и образование в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. Т. 63. С. 166-169.

[14] Семенов Е. В., Соколов Д. В. Цифровизация высшего образования: возможности и риски // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 4. Ч. 1. С. 137-153. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-137-153.

[15] Аксенова Н. И., Усачева О. В., Черняков М. К. Рейтинговая оценка состояния цифровизации вузов // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 7. С. 88-115. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-88-115.

[16] Даниелян А. С. Юридическое образование и искусственный интеллект: векторы взаимодействия // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 3. С. 804-823. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.804-823.

[17] Юдина Т. Н., Семочкина Н. Н. Постпандемия: итоги и перспективы цифровизации высшего образования // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 1. С. 86-96. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-1-86-96.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: rev. and add. // Rossiyskaya Gazeta. — 25.12.1993.

[2] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2012. — № 53. - Art. 7598.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Official Internet portal of legal information. — 10.05.2017. — № 0001201705100002.

[4] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Rossiyskaya Gazeta. — 29.07.2006. — № 165; Parliamentary newspaper. — 03.08.2006. — № 126—127; Collection of legislation of the Russian Federation. - 31.07.2006. - No. 31 (part I). - Art. 3448.

[5] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Rossiyskaya Gazeta. — 29.07.2006. — № 165; Parliamentary newspaper. — 03.08.2006. — № 126—127; Collection of legislation of the Russian Federation. - 31.07.2006. - No. 31 (part I). - Art. 3451.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 11.10.2023 No. 1678 "On approval of the Rules for the application by organizations engaged in educational activities of e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs" // Official publication of legal acts. — 12.10.2023. — № 0001202310120031; Collection of legislation of the Russian Federation. — 2023. — № 42. - Art. 7514.

[7] Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 13.08.2020 No. 1011 "On approval of the federal state educational standard of higher education - bachelor's degree in the field of training 40.03.01 Jurisprudence" // Official Internet portal of legal information. — 07.09.2020. — № 0001202009070039; registered 07.09.2020 No. 59673.

[8] Order of the Government of the Russian Federation of 05.07.2025 No. 1805-r "On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of science and higher education until 2030 and recognition as invalid order of the Government of the Russian Federation of 21.12.2021 No. 3759-r" // Official publication of legal acts. — 07.07.2025. — № 0001202507070072; Collection of legislation of the Russian Federation. — 2025. — № 27. - Art. 3774.

[9] E. A. Mitrofanova, Analysis of the readiness of universities to introduce digital educational technologies and products // Personnel and intellectual resources management in Russia. 2020. № 1. С. 48-53. DOI: 10.12737/2305-7807-2020-48-53.

[10] Gromova N. S., Pashchuk E. O. Digitalization of legal education: social and legal problems and prospects // Bulletin of innovative technologies. 2022. Т. 6, NO. 4 (24). С. 74-78.

[11] Krasnova G. A., Polushkina A. O. Digitalization of the right to education//Management of educational organizations. 2021. № 3(57). S. 90-99. DOI: 10.25688/2072-9014.2021.57.3.11.

[12] Ershova I.V., Enkova E.V. On the implementation of the right to education in the digital environment of the university//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2021. № 4(80). S. 105-114. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.80.4.105-114.

[13] Baranova M.V. Legal Science and Education in the Context of Digitalization//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3. VOL. 63. S. 166-169.

[14] Semenov E.V., Sokolov D.V. Digitalization of higher education: opportunities and risks//Ideas

and ideals. 2022. Т. 14. № 4. PART 1. S. 137-153. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-137-153.

[15] Aksenova N.I., Usacheva O.V., Chernyakov M.K. Rating assessment of the state of digitalization of universities//Education and science. 2024. Т. 26, NO. 7. S. 88-115. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-7-88-115.

[16] Danielyan A. S. Legal education and artificial intelligence: vectors of interaction//Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, NO. 3. S. 804-823. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.804-823.

[17] Yudina T. N., Syomochkina N. N. Postpandemia: Results and Prospects of Digitalization of Higher Education//Digital Sociology. 2024. Т. 7, NO. 1. S. 86-96. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-1-86-96.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.